Психологические науки

УДК 159.9

ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ АНТРОПО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ К РАЗЛИЧНЫМ ФОРМАМ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

В.Г. *Морогин*, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия), e-mail: morogin_vg@khsu.ru

Аннотация. В статье представлено современное состояние исследований феномена коррупции и коррупционной преступности различных методологических позиций. Констатируется, что в правительственных и социологических источниках коррупция рассматривается как юридический, экономический либо социальный феномен, поэтому и методы борьбы с ней носят формально-бюрократический, чаще всего карательный характер. Между тем, причина коррупции и коррупционной преступности в ее субъектах, психологический подход к решению этой проблемы ставит в «человеческий фактор». Описывается центр внимания мотивационная модель видовой неоднородности человека, в методологическом плане опирающаяся на палеопсихологическую теорию антропогенеза Б.Ф. Поршнева, теорию ценностнопотребностной сферы личности И концепцию Формирование в процессе антропогенеза четырех видов рода Homo Sapiens объясняется психологическим развитием человека: появлением чисто человеческих потребностей и принципиально новых способов их удовлетворения – второй и третьей сигнальных систем. Обсуждаются методологические вопросы исследования феномена коррупции с позиции теории ценностнопотребностной сферы личности. Предлагаемая в статье модель «коррупционной психодиагностики» и «антикоррупционной психопрофилактики» является прикладной формой реализации

ценностно-потребностной теории сферы личности. «Коррупционная психодиагностика» направлена на выявление лиц. Склонных к коррупции, претендующих на должностей коррупционно опасных государственных учреждениях, бизнес-структурах и СМИ, а разрабатываемые на результатов технологии «антикоррупционной психопрофилактики» имеют целью искоренение коррупции в государственных и общественных учреждениях.

Ключевые слова: коррупционная психодиагностика, антикоррупционная психопрофилактика, ценностнопотребностная сфера личности, коррупционно опасная ценность, коррупционно безопасная ценность, симультанная сукцессивная тахистоскопическая экспозиция, хищная нехищная мотивация, антропо-психологическая идентификация, антропо-психологическая идентичность, третья сигнальная система, антропотип, психотип

UDC 159.9

VALUE-NEED METHODOLOGY OF ANTHROPO-PSYCHOLOGICAL PREDISPOSITION TO VARIOUS FORMS OF CORRUPTION BEHAVIOR

V.G. Morogin, Katanov's Khakass State University (Abakan)

Abstract. The article presents the current state of research on the phenomenon of corruption and corruption crime from various methodological positions. It is stated that in government and sociological sources corruption is considered as a legal, economic or social phenomenon, and therefore the methods of combating it are formal-bureaucratic, often punitive. Meanwhile, the cause of corruption and corruption crime in its subjects, so the psychological approach to solving this problem puts the "human factor"in the spotlight. Describes a motivational model species the heterogeneity of man, in terms of methodology based on paleopsychological theory of anthropogenesis by B.F. Porshnev, value-need personality spheretheory and the concept of kindism. The formation in the

process of anthropogenesis of four species of the genus Homo Sapiens is explained by the psychological development of man: the emergence of purely human needs and fundamentally new ways to meet them — the second and third signal systems. Discusses methodological issues of the study of the phenomenon of corruption from the perspective of the value-need personality sphere theory. The model of "corrupt psycho-diagnostic" and "anti-corrupt psycho-prevention" proposed in the article is an applied realization of the value-need personality sphere theory. "Corrupt psycho-diagnostic" is aimed at identifying persons prone to corruption, claiming to hold corrupt dangerous positions in public institutions, businessstructures and the media, and the technology of "anti-corrupt psycho-prevention", developed on the basis of its results, is aimed at eradicating corruption in public institutions.

Keywords: corrupt psycho-diagnostic, anti-corrupt psycho-prevention, corrupt dangerous value, corrupt safe value, simultaneous and successivetachistoscope exposition, predatory and non-predatory motivation, anthropo-psychological identification, anthropo-psychological identity, a third signaling system, anthropotype, psychotype

Социология и психология коррупции в современной России

Генезис властных структур в любом демократическом обществе сопровождается негативными явлениями, проявляющимися в корыстных злоупотреблениях государственных чиновников и должностных лиц, бизнесменов и коммерсантов, «народных избранников» и общественных деятелей. В целом этот проблемный комплекс обозначается термином «коррупция» (от латинского corruptio – порча, подкуп) и определяется как «преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, предоставленных ему по должности, в целях личного обогащения»; коррупцией называют также подкуп должностных лиц, их продажность.

Сам термин «коррупция» стал активно использоваться российскими СМИ только в последнее десятилетие; до 2007 года считалось, что в российском политическом истеблишменте, среди чиновников, в правоохранительных органах, бизнесе, журналистской среде предпосылок для коррупции не было, что коррупция —

исключительно «западное» явление. Поэтому у российских властей до сих пор нет четкого определения этого феномена. Главная проблема в том, какие действия отечественных бюрократов, политиков, деловых людей, журналистов, иных субъектов, в руках которых сосредоточена власть или денежные потоки, следует считать коррупционным поведением. Если должностное лицо берет взятку, это - однозначно коррупция. Но когда депутат «проталкивает» в ГД новый закон, явно лоббированный проплаченный идентифицируемыми четко нормальная олигархическими объединениями это практика депутатской деятельности. А как квалифицировать тот факт, что многие народные депутаты самого разного уровня или их помощники имеют уголовное прошлое. Разве сращивание власти с криминалитетом - это не коррупция? А как расценивать деятельность средств массовой информации, пропагандирующих и рекламирующих противоправное, в том числе и коррупционное, поведение?

В документах ООН коррупцией называется злоупотребление государственной властью с целью получения личной выгоды; в федеральном законе РФ коррупция – это «злоупотребление служебным взятки, получение взятки, злоупотребление положением, дача коммерческий либо подкуп иное полномочиями, незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение таких деяний от имени или в интересах юридического лица» [25].

Политики и социологи утверждают, что коррупция – обязательный атрибут любого общества, и искоренить ее полностью невозможно. Поэтому она существует и в развивающихся, и в экономически развитых странах.

Угрожающее нарастание коррупционных процессов практически во всех сферах общественной жизни: политической, правовой, социальной, идеологической, экономической неуклонно ведет к постепенному распаду отечественной экономики и всего

государственного строя в целом. Поэтому проблема коррупции актуальна не только для власти, но и для каждого российского гражданина. И хотя термин «коррупция» сейчас очень популярен среди журналистов и ученых-правоведов, серьезные исследования коррупции и коррупционного поведения практически отсутствуют. Дело в том, что, поскольку субъектом коррупционного поведения является конкретный человек, глубинная причина коррупции — психологическая. А любая власть, и первая — исполнительная, и вторая — законодательная, и третья — судебная, и четвертая — информационная, и пятая — криминальная, стремятся переместить проблему в сферу экономики, политики, общественных отношений, и как можно дальше увести ее от реальных субъектов коррупции. Это и понятно, поскольку социальнопсихологический анализ сразу же переводит этот вопрос в конкретную плоскость — коррупция процветает там, где власть и деньги.

Актуальность проблемы коррупции в российском обществе также в том, что даже те единичные, очень похожие на театральные, спектакли, имитирующие борьбу власти с коррупционной преступностью, тем не менее, свидетельствуют о ее глубоком проникновении в российское общество, о том, что практически все сферы общественной жизни поражены «коррупционной коррозией».

мировому Согласно рейтингу, ежегодно составляемому международной неправительственной организацией TransparancyInternational, Россия одной ИЗ самых является коррумпированных стран мира. Основной критерий, по которому оценивается «коррупционная чистота» государства – Индекс восприятия коррупции (The Corruption PerceptionsIndex) - данные социологического сопровождающий егорейтинг исследования страны распространенности коррупции в государственном секторе. Методика расчета опирается на общедоступные статистические данные и на результаты глобальных экспертных опросов [34]. В рамках этого коррупция трактуется как любые злоупотребления исследования служебным положением с целью получения личной выгоды. Ориентация на экспертизу объясняется тем, что статистические данные, например, число уголовных дел или судебных приговоров по фактам коррупции, во-первых, не всегда доступны, а во-вторых, отражают скорее эффективность работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению коррупционных преступлений, чем реальный ее уровень. В этой ситуации более надежным источником информации является мнение и свидетельство тех, кто непосредственно сталкивается с коррупцией или профессионально занимается ее изучением.

Индекс восприятия коррупции - сводный индикатор, который рассчитывается на основе данных, полученных из международных экспертных источников. Степень распространенности оценивается как зарубежными экспертами, так и проживающими в конкретной стране, ее интегральный индикатор представляет собой предпринимателей, результат опросов аналитиков оценке рисков, специалистов коммерческих по конкретным странам различных международных организаций. Индекс ранжирует государства и территории по шкале от 0 (самый высокий уровень коррупции) до 100 (самый низкий уровень коррупции) на основе экспертного восприятия коррумпированности государственного сектора. «коррупционной чистоты» соответствует месту страны, которое она занимает согласно вычисленному в отношении ее Индексу восприятия коррупции – чем ниже уровень коррупции, тем выше рейтинг.

Для обеспечения достоверности первичной информации, используемой при составлении Индекса, и валидности итоговых результатов требуется не менее трех источников. В целом, Индекс восприятия коррупции является достаточно надежным инструментом, но, вместе стем, ему присущи инекоторые недостатки. Например, надежность оценок не для всех стран одинакова – Индекс и соответствующий ему рейтинг, полученный на основе относительно небольшого числа источников, которые к тому же характеризуются большим разбросом в оценках, могут в итоге оказаться не вполне Кроме того, при расчете Индекса используются адекватными. усредненные данные, собранные затри последних года, поэтому этот показатель дает представление о текущих оценках уровня коррупции. почти не фокусируясь на происходящих из года в год изменениях. Индекс не всегда отражает реальную динамику явления, его колебания могут быть обусловлены корректировкой выборки, методологии и источников информации, а место страны в общем рейтинге может сильно измениться уже потому, что изменился список стран, подвергшихся исследованию.

Опыт борьбы с коррупцией показывает, что прозрачность деятельности государственных структур и их строгая подотчетность не в состоянии искоренить коррупцию, в частности, даже страны-лидеры по «коррупционной чистоте» решили проблему «приватизации не государства»: нарушение принципов финансирования избирательных кампаний и надзора за исполнением крупных государственных контрактов остаются основными источниками коррупционных рисков. Хуже всего обстоят дела в государственном секторе, особенно в таких областях, как деятельность политических партий, работа органов охраны правопорядка и функционирование судебных систем. Любые благие начинания - будь то борьба с изменением климата, экономическими кризисами или нищетой - неизбежно сопровождаются коррупционными злоупотреблениями.

Очередное исследование, проведенное Transparancy International в 2017 году, показало, что Российская Федерация с 29 баллами занимает в коррупционном рейтинге 135 место из 180. Наилучшие результаты в борьбе с коррупцией показали Новая Зеландия (89), Дания (88), на третьей строчке рейтинга — Финляндия с 85 баллами. В первую десятку попали также Норвегия, Швейцария, Сингапур, Швеция, Канада, Люксембург, Нидерланды, Великобритания. Самым коррумпированным государством планеты признано Сомали, набравшее в 2017 году 9 баллов. В нижней части списка расположились также Южный Судан, Сирия, Ливия, Афганистан, Йемен. В целом серьезные коррупционные проблемы имеют 70% стран — они набрали менее 50 баллов [29; 34].

Неутешительные для России результаты, полученные в этом исследовании, вовсе не означают, что борьба с коррупцией – пустое и неблагодарное занятие; снижать количество коррупционных преступлений необходимо всеми возможными средствами. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» коррупция позиционируется как одна из основных угроз национальной безопасности России. С 2008 года федеральная власть предпринимает активные меры по борьбе с коррупцией, основу которых составляют

такие нормативно-правовые документы как Федеральный закон «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ «Омерах по противодействию коррупции», Национальный план противодействия коррупции [24; 25].

Но, несмотря на шумные антикоррупционные кампании, ситуация в России за последние годы нисколько не изменилась. Ее соседями по коррупционному рейтингу с теми же 29 баллами стали Доминиканская Республика, Гондурас, Киргизстан, Лаос, Мексика, Папуа Новая Гвинея и Парагвай. Из стран бывшего Советского Союза наиболее «коррупционно чистыми» признаны Эстония (21-е место), Литва (38-е место), Латвия (40-е место) и Грузия (46-е место).

Данные опроса населения, проведенные агентством Profi Online Research, свидетельствуют, что 70% российских граждан не доверяют данным, которые чиновники обнародовали в декларациях о доходах и имуществе. Наиболее коррумпированными сферами деятельности выглядят государственная служба (65% опрошенных) и юриспруденция (47%). Согласно официальным данным органов внутренних дел ущерб откоррупции в России составляет 4,7 млрд. руб. в год. Но в этой статистике учтены только выявленные нарушения, фактический же ущерб, по мнению экспертов, значительно выше: официальная статистика не отражает и $^{1}/_{20}$ истинного объема взяточничества и лихоимства. Реально ущерб от коррупции оценивается триллионами рублей в год, а объективному анализу коррупционных явлений и оценке масштабов коррупции препятствуют сложности, возникающие при выявлении подобных преступлений. Поэтому характеристика российской коррупционной преступности должна опираться не столько на зарегистрированные преступные деяния, сколько на анализ латентности. Отчетливо прослеживается следующая закономерность: чем выше уровень должностных лиц, участвующих в совершении преступлений, коррупционных тем ниже ИХ выявляемость. Социологические исследования феномена латентности коррупционной показывают, что основной преступности массив выявляемых коррупционных деяний относится к низовому уровню – 7% от фактически совершенных; о коррупционных преступлениях среднего уровня становится известно лишь в 3% случаев. Максимально латентными остаются коррупционные преступления высшего уровня – их выявляемость не более 0,3%.

В конце октября 2014 года президент России Владимир Путин сообщил, что «только 8% взяточников осуждены к реальным срокам лишения свободы; большинство приговорены к штрафам, которые преступники не платят, находя всевозможные нормативные лазейки», а премьер-министр Дмитрий Медведев, обсуждая дальнейшие шаги в направлении борьбы с коррупцией, заявил, что правительство приглядывается» опыту Китайской Народной «внимательно К Республики. В 2007 году там было создано Государственное управление предупреждению коррупции, которое стало контролировать чиновниками закрыло использование властных полномочий законодательные лазейки, позволяющие взяточникам уходить от последний китайский циркуляр Например, запрещает чиновникам получать биржевые акции в качестве подарков, отмывать взятки через азартные игры и договариваться об устройстве на хорошо работу оплачиваемую после отставки. Усилен контроль провинциальным звеном госаппарата: ограничен политический вес местных элит, их обязали жестко следовать линии центра.

Ha сегодняшний предпринимаемые момент меры, правительством России вборьбе с коррупцией и коррупционной преступностью, носят либо юридический, либо откровенно запугивающий полицейский характер. Но субъектом коррупционного поведения всегда является конкретный человек, а не группа и не общество в целом, хотя сложившиеся в российском социуме коррупционные нормы, безусловно, способствуют экстенсификации коррупционного поведения. Тем не менее, настоящие причины коррупции кроются не в законе, не в экономике, не в обществе, а в каждой конкретной личности. Поэтому в решении проблемы следует главным звеном этой психологический фактор. Наиболее коррумпированными деятельности являются такие, где для коррупции есть реальные материальные основания – власть и деньги. Это, в первую очередь, государственная служба, «правоохранительные» юриспруденция, бизнес-сообщество, СМИ. Высок уровень коррупции в системе здравоохранения, в сфере управления наукой и образованием.

Ведущие российские специалисты в области права и экономики считают, что для повышения эффективности противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью необходимо осуществлять согласованные действия всех структур, занимающихся вопросами коррупции, по следующим основным направлениям:

- развитие и внедрение общественной антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов;
- обеспечение прозрачности всех административных и правовых процедур, принятия решений, их жесткая регламентация;
- ужесточение ответственности за коррупционные преступления (например, конфискация имущества), а также совершенствование экономических мер противодействия (сделать экономически невыгодным коррупционное преступление);
- расширение международного правового сотрудничества в области противодействия коррупции;
- искоренение сложившейся системы подбора кадров государственной и муниципальной службы по принципу родства, лояльности, личной преданности и дружеских отношений для создания команды «единомышленников»; жесткая регламентация в подборе кадров и контроль доходов должностных лиц, эффективная система поощрения работников;
- развитие системы социального контроля за поведением человека, функционированием институтов, предприятий и организаций, общества в целом;
- формирование у граждан «антикоррупционной устойчивости», то есть системы социально-психологических качеств, позволяющих противостоять соблазну злоупотребления служебным положением и полномочиями, даче или получению взятки, подкупа с целью получения выкупа и т.п. через развитие и продвижение соответствующей идеологии, распространяемой как со стороны государства, так и общественных объединений, средств массовой информации.

Эти мероприятия предполагается ввести вправоохранительную систему, обеспечив активное содействие других органов власти (законодательных, исполнительных, судебных), общественных

организаций и бизнес-сообщества [30].

Совершенно очевидно, что такая концепция борьбы с коррупцией и коррупционной преступностью в принципе утопична, поскольку, согласно даже официальным статистическим данным, максимальные возможности для ее процветания сосредоточены именно в государственных и политических структурах, правоохранительных органах, СМИ и бизнесе, то есть именно в тех организациях, которые призваны с ней бороться. Именно поэтому юридические, экономические и социальные мероприятия, направленные на борьбу с этим, приобретают безусловно, позорным явлением исключительно формальный бюрократический характер. Субъектами являются лица, наделенные властными полномочиями, поэтому совсем не трудно предсказать возможные результаты этой «борьбы».

Эффективный подход к снижению и последующему искоренению коррупции в системе государственного и общественного управления должен опираться на:

- научно обоснованный социально-психологический анализ этого феномена;
- создание и использование объективных количественных методов психологической диагностики индивидуальной склонности ккоррупции;
- разработку на основе результатов этой диагностики системы антикоррупционной психопрофилактики и психокоррекции мотивационного содержания коррумпированной личности.

А формирование антикоррупционного мировоззрения в России станет возможным только после того, как большинство российских граждан поймет истинные причины и психологические механизмы коррупционного поведения.

Предлагаемые правительством мероприятия по борьбе коррупцией и коррупционной преступностью носят преимущественно карательный характер, что само по себе никогда не давало и не даст позитивного результата. Любые антикоррупционные меры, в том числе наказательные, должны быть научно обоснованы — только тогда они будут адекватно восприняты и дадут положительный результат. Борьба с коррупцией и коррупционной преступностью должна опираться в

первую очередь на психологическую диагностику склонности к коррупции всех кандидатов на государственные и общественные должности и превентивную профилактику коррупционного поведения.

Коррупция подрывает саму идею справедливого государственного управления, нагнетает социальную напряженность и, в конечном счете, приводит к разрушению государства, правительственные меры по ее ограничению необходимы. Но, с другой стороны, даже официальная статистика свидетельствует, что коррупция «хорошо чувствует себя» там, где власть и деньги. А поскольку субъектом коррупционного поведения является конкретный человек, ее в каждой личности, наделенной властными скрыты полномочиями. Закон, экономика и общество – всего лишь факторы, которые могут или способствовать, или препятствовать проявлениям «личностного коррупционного диатеза». Отсюда, главным рычагом противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью должна стать «психология» человека. Ключ к решению этой проблемы, основанный на строгом научном подходе к анализу глубинных причин феномена коррупции, лежит не в сфере экономических отношений, а всамом человеке. «Человеческий фактор» - вот главная причина коррупции [15; 17].

Проведено немало исследований, отражающих правовые и экономические аспекты коррупционного поведения, но, поскольку анализ и интерпретация их результатов осуществляется на формальном языке юриспруденции и экономики, из коррупционного процесса исчезает самое главное - личность коррупционера. В самой же психологической науке отсутствует сколько-нибудь внятная объяснительная модель данного феномена. Такая ситуация обусловлена, прежде всего, неадекватным общественным статусом психологической сложившимся в результате целенаправленной деятельности властных структур, явно не заинтересованных в проведении серьезных научных исследований феномена коррупции [21; 22]. С этими препятствиями постоянно сталкивается любой честный исследователь социальнопсихологических корней коррупционного поведения. А с другой стороны, «без психологически обоснованных подходов здесь вряд ли что-то можно сделать, ибо коррупция - только в ее последствиях правовая и

экономическая проблема, а исходно — сугубо психологическая и общечеловеческая» [31, с. 107]. К такому выводу приходят те немногие авторы, которые, несмотря ни на что, пытаются заниматься психологическим анализом этой очень неудобной для власти проблемы.

А.Л. Журавлев и А.В. Юревич [4; 5] попытались проанализировать проблему коррупции с психологических позиций и пришли к выводу, что «психология коррупции как самостоятельная перспективная область психологического исследования» в России все же формируется. Главными ее составляющими авторы видят:

- «психологию коррупционеров;
- психологию коррумпирующих, т.е. дающих взятки и т.п.;
- изучение отношения общества к проблеме коррупции и ее конкретным компонентам;
- исследование социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию» [4, с. 57].

Три важных свойства массового сознания, сформировавшихся в российском социуме, являются главными факторами процветания коррупции:

- 1. «Толерантное отношение к коррупции как повсеместному, неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезного обсуждения.
- 2. Осуждение вызывают не сами по себе акты коррупции, а лишь запредельные размеры взяток.
- 3. Система двойных стандартов: собственное коррупционное поведение и поведение родных и близких воспринимается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства и не ассоциируется с коррупцией, в то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное» [5, с. 1024-1025] в социальной психологии такая позиция называется «фундаментальной ошибкой атрибуции».

В качестве методов борьбы с коррупцией авторы предлагают внедрение в систему образования специально разработанных программ, обосновывающих разрушительное влияние коррупции на экономику, организацию массовых пропагандистских кампаний по борьбе с коррупцией с широким привлечением СМИ и других средств воздействия

на массовое сознание, привлечение «простых граждан, не обремененных властью и не имеющих связей с сильными мира сего» к борьбе с коррупцией [4, с. 61].

В целом авторы констатируют, что психологическая составляющая коррупции понемногу начинает приобретать научные очертания, однако предложения по организации дальнейших исследований психологических детерминант коррупционного поведения, как правило, сводятся к общим рассуждениям и пожеланиям, которых и так достаточно в юридической, экономической и политической литературе.

В плане конкретных психологических приемов диагностики коррупционного поведения предлагается полиграфическое исследование претендентов на «взяткоемкие» должности, однако, как справедливо отмечают авторы статьи, его ценность в значительной степени снижается «из-за многочисленных отказов от обследования, неоднозначности интерпретации показаний полиграфа, свидетельствующего не о лжи, а лишь о наличии физиологического возбуждения» [5, с. 1026]. Кроме того, численность прошедших «полиграфическую проверку» может оказаться меньшей, чем количество вакансий.

Психологические исследования коррупционного поведения, предпринятые О. Ванновской [1] более конкретны и приближены к жизни, но сама трактовка феномена коррупции, а также методы, предлагаемые для ее исследования настолько традиционны и стандартны, что выглядят довольно наивно. А такие термины, как «антикоррупционная устойчивость», вводимые автором просто вызывают недоумение. При этом у автора даже не возникает мысли, что любое новое понятие не может считаться операциональным до тех пор, пока не пройдет процедуру операционализации, которая подразумевает создание специальных объективных методов, дающих возможность убедиться, что это новое понятие не является теоретически пустым.

Автор констатирует, что «многолетние исследования не привели к выявлению строго определенного комплекса факторов, актуализирующего коррупционное поведение личности; как правило, диагностические процедуры давали разнонаправленную картину;

факторы, которые должны детерминировать коррупционное поведение располагались на различных уровнях, не позволяя выстроить единый концептуальный аппарат» [1, с. 325]. Такой итог можно было предположить и без «многолетних исследований», поскольку психологи, занимавшиеся подобными изысканиями — выявлением комплекса лидерских черт, ПВК, особенностей преступной личности и т.д. — уже давным-давно пришли к аналогичным выводам. А неадекватность диагностического инструментария, справедливо отмечаемая автором, есть следствие ошибочности теоретической модели, на основе которой эти инструменты созданы. И, тем не менее, автор продолжает идти этим традиционным стандартным путем, несмотря на его очевидную тупиковость.

Палеопсихологические детерминанты мотивации человека

Наиболее существенным отличием человека от самого высокоразвитого животного является наличие у него второй сигнальной системы в виде сформировавшейся в процессе антропогенеза знаковой речи. Речь — не довесок к безусловным и условным рефлексам, а принципиально новая система регуляции поведения, появляющаяся только у человека. Центральная функция речи — не продолжение и развитие рефлекторных форм поведения, а, наоборот, возможность запрета, остановки первосигнальных рефлексов и замена их другими, сознательными действиями [28]. Действительно, какой смысл второй сигнальной системе способствовать и помогать тому, что и без нее обязательно случится.

Человеческая речь появилась в ходе антропогенеза как способ отмены функционирования первой сигнальной системы, и в этом состоит главный определяющий признак отличия речи человека от сигналов, используемых животными. У последних встречаются довольно развитые системы коммуникации, но у животных нет речи, поскольку в речи для всякого обозначаемого явления — денотата — существует «не менее двух нетождественных, но свободно заменяемых, то есть эквивалентных, знаков или сколь угодно больших систем знаков того или иного рода; их инвариант называется значением, их взаимная замена — объяснением, интерпретацией» [28, с. 57]. Эта синонимичность и делает их собственно знаками. Оборотная сторона этого феномена — наличие

для любого знака человеческой речи несовместимого с ним — антонимия. Без синонимии и антонимии нет ни объяснения, ни понимания. Таким образом, вторая сигнальная система представляет собой инструмент, позволяющий ограничивать, запрещать функционирование первой. Речь — не дополнение к последней, а принципиально новый способ регуляции поведения, появляющийся только у человека.

функция важнейшая второй сигнальной обусловливает двойственность человеческой мотивации. У животных все побуждения имеют первосигнальную природу; у человека имеется механизм, способный запрещать естественные побуждения и замещать их второсигнальными. Это и создает специфические сложности при анализе его мотивации: укаждого человека всегда есть два мотива настоящий и, который «красиво звучит». Первый - неосознанный, первосигнальный, второй осознаваемый, второсигнальный. Побуждение первого рода – настоящая причина поведения, мотив второго рода – попытка оправдания человеком своего поступка с помощью речи. В реальном поведении они почти никогда не совпадают. Публичные высказывания всегда детерминированы мотивами второго рода, а своих истинных побуждений большинство индивидов даже не осознает, и может только предполагать их. В социальной психологии эти предположения определяются как самоатрибуции.

Но и естественная первосигнальная мотивация у человеческих Человечество, одинакова. индивидов позиций не палеопсихологической теории происхождения человека Б.Ф. Поршнева, собой парадоксальное общежитие «представляет существ, рождения наделенных диаметрально несовместимо разных, OT противоположными психогенетическими мотивационными комплексами: стадным (подавляющее большинство) и хищным» [3]. В своем становлении Homo Sapiens прошел страшную стадию адельфофагии, что, собственно, и спасло предковый вид человека от вымирания [3; 12; 18]. Другими словами, человеческая история началась с людоедства, с хищности, направленной на представителей своего же вида. И создал человека с его второй сигнальной системой «вовсе не труд и не естественный отбор, а смертельный страх перед своим ближним» [3, с. 3].

В процессе антропогенеза сформировалось два хищных вида: (сверхживотные, обладающие второй суперанималы сигнальной системой) – потомки первоубийц-адельфофагов и суггесторы – приспособленцы, подражатели суперанималов. агрессивные обладающие высокой способностью к внушению и манипулированию другими. Хищные виды пошли по пути наименьшего сопротивления, «обкатанному» природой. Для хорошо двух человеческих видов характерно врожденное неприятие насилия: диффузный вид – люди, легко поддающиеся внушению и неоантропы, обладающие обостренной нравственностью. Последние представляют новый человеческий вид, который появился сравнительно недавно, в период с 800 по 200 год до н.э. К. Ясперс назвал этот интервал в истории человечества «осевым временем». Именно тогда впервые появились этически зрелые человеческие индивиды, способные к критическому мышлению, то есть нравственные люди, обладающие третьей сигнальной системой. Если речь дает человеку возможность ограничивать и запрещать функционирование первой сигнальной системы, то третья сигнальная система становится способной контролировать вторую с позиции нравственных категорий [3; 10;11; 12].

Существование различных врожденных пружин человеческой мотивации: «злобность», «эгоизм» и «сострадание» отмечал и А. ЧТО четко соответствует жизненным ориентациям суперанималов, суггесторов и нехищных индивидов. Русский ученый педагог, анатом, врач – П.Ф. Лесгафт на основе своих многолетних наблюдений над детьми-школьниками выделил так называемые «школьные типы»: «честолюбивый», «лицемерный» и «добродушный». У первых двух отсутствуют моральные устои. Став нравственных качеств они в себе не добавляют. «Утром, убив своих родителей, они заснут вечером сном праведника» - так характеризовал их П.Ф. Лесгафт (См.: Школьные типы. Антропологический этюд) [7]. При негативном воспитании эти три основных личностных типа развиваются в «злостно-забитый», «мягко-забитый» и «угнетенный». Из них лишь последний обладает нравственностью (может даже - обостренной, что неоантропам). Интеллектуальные способности, эмоции, свойственно воля, темперамент, считает П.Ф. Лесгафт - это всё производные качества. Как утверждает И. Смирнов, человек отличается от животного нравственностью – и с ним трудно не согласиться.

Внешне представители четырех человеческих видов очень похожи — популяционная генетика трактует это явление как существование видов-двойников. Главное же различие между ними — мотивационное, различие в побуждениях к определенному поведению. Хищная мотивация — причина безудержного стремления к власти, к подавлению и доминированию, получению личной выгоды, к совершению преступлений. Суперанималы — потомки адельфофаговканнибалов — и суггесторы различаются лишь способами реализации своих хищных побуждений: для первых характерны насилие и агрессия, для вторых — эгоизм и циничность, склонность к ненасильственным преступлениям, в частности к коррупции.

В рассматриваемом контексте вид понимается классически – это биологическое понятие, которое можно определить как совокупность особей, способных давать репродуктивное потомство. Многочисленные клинические наблюдения и жизненные факты свидетельствуют, что гибриды хищных и нехищных видов во 2-3 поколениях становятся бесплодными, хотя в первом возможен феномен гетерозиса, в частности, описанный Л.Н. Гумилевым как пассионарность. А О.Б. Морель, Ч. Ломброзо, М. Нордау, С. Сигеле и др. рассматривали эти процессы с позиции теории дегенерации.

Вторая сигнальная система позволяет хищным человеческим видам скрывать свои истинные побуждения, и, тем не менее, соответственно именно этим особенностям мотивации выстраивается система доминирования и иерархии во всех человеческих сообществах. В настоящее время предельно жестокие, основанные на физическом насилии властные режимы суперанималов — деспотии, тирании — уже почти полностью ушли в прошлое и остались лишь в «неофициальном» криминальном подполье. Властные структуры сейчас стали вотчиной суггесторов — вот она, настоящая причина коррупции. Поэтому бесполезно бороться с коррупцией как общественным феноменом, в этой борьбе необходимо сосредоточиться на индивидах, склонных к ней. В первую очередь нужно научиться четко определять тех, у кого такие формы поведения являются врожденными, то есть представителей

хищного вида суперанималов и суггесторов. Конечно, никакая антикоррупционная психотерапия в этих случаях не поможет, но коррупционное поведение может быть также результатом социального научения нехищных диффузных людей в силу их очень высокой внушаемости. В такой ситуации эффективными будут специально разработанные психотерапевтические и психопрофилактические технологии [13; 14; 16; 18].

Строение ценностно-потребностной сферы личности

Проблема выявления истинной бессознательной мотивации поведения человека является центральной в теории ценностно-потребностной сферы личности, которая рассматривает как первичные побуждения бессознательные мотивационные интенции.

Ценностно-потребностная сфера — одна из подсистем личности (кроме нее еще есть аффективная, когнитивная и формально-динамическая), содержанием которой являются побуждения, обеспечивающие любые формы поведения. Ценности рассматриваются как формы, лишенные содержания, это только названия. Каждый индивид наполняет их своими потребностями, поэтому названия ценностей одни и те же, а их содержание у каждого человека разное. Структура ценностно-потребностной сферы личности у всех людей одна и та же, но содержание, которым она наполнена, определяется индивидуальным набором потребностей, который у каждого уникален.

Ценностно-потребностная сфера представлена подструктурами – общественной и родовой. Общественная подструктура ценностно-потребностной сферы – набор универсальных форм, которые наполняются потребностным содержанием аттитюдов, формирующихся в процессе социализации под влиянием различных общественных институтов: образовательные и воспитательные учреждения, СМИ, реклама, TV, Интернет и т.п. Родовая подструктура ценностнопотребностной сферы – ценностные формы, содержанием которых потребности. Потребности общественной являются родовые подструктуры ЦПСЛ – продукт онтогенеза, родовые потребности – результат антропогенеза. Общественная потребность может стать родовой и закрепиться на генетическом уровне, если в течение, как минимум, 50 поколений будет постоянно формироваться родителями у своих детей. Но и в этом случае наследуется только форма – конкретное ее содержание индивидуально. Потребности, сформированные в онтогенезе одного поколения, наследственно не закрепляются.

В психологической литературе «потребность» и «ценность» нередко смешиваются, что ведет к неправильной трактовке того содержания, которое обозначается этими терминами. При их внешнем сходстве, потребность и ценность – разные понятия, и между ними есть существенные принципиальные различия:

- 1. Ценность только указывает на возможную неосознаваемую потребность и всегда выражена в слове, которое не принадлежит отдельному субъекту, а является достоянием всех людей; поэтому словом можно выразить только ценность, но не потребность.
- 2. Потребность всегда индивидуальна и конкретна, ценность же коллективна по своей природе и представляет собой обобщенное понятие.
- 3. Потребность никогда не оценивается, ценность же всегда подвергается социальной оценке.
- 4. Потребность причина любого поведения, ценность служит его оправданию, поэтому причина поступка должна анализироваться в терминах потребности, а его атрибуция с точки зрения его социальной ценности.
- 5. Хотя причинами поступков человека являются потребности, как только потребность обозначается словом, она подводится под ближайшую социальную категорию и заменяется наиболее подходящей для личности ценностью.

Из этих положений с очевидностью следует, что в психологическом эксперименте непосредственное изучение потребностей невозможно, они доступны лишь косвенному исследованию – через ценности. Примерно так же опосредованно Г. Фехнер измерял интенсивность ощущений силой воздействующего на орган чувств раздражителя.

Эти методологические постулаты и экспериментально полученные факты послужили основой для создания двух экспериментально-психологических методик: «Тахистоскоп» и «Калейдоскоп». Принципиальное различие между ними том, что в

первом случае тестовые слова, обозначающие человеческие ценности, предъявляются симультанно (одновременно все), а во втором сукцессивно (последовательно). Время предъявления каждого тестового стимула должно быть очень коротким и равным индивидуальному временному порогу тахистоскопической экспозиции. Другими словами, продолжительность экспозиции тахистоскопически предъявляемых стимулов – это такой временной интервал, в течение которого субъект способен опознать (но не воспринять) минимальное количество стимулов; в то же время этот промежуток не должен быть слишком коротким, таким, что становится невозможным любое опознание. Это и есть порог индивидуальной тахистоскопической экспозиции. Величина его в человеческой популяции очень сильно варьирует и зависит от многих физиологических, психологических и даже генетических факторов, поэтому порог тахистоскопической экспозиции для каждого субъекта, проходящего исследование с помощью тахистоскопических методик, должен измеряться индивидуально [19; 20].

Эмпирические исследования выявили существование восьми универсальных ценностных блоков, обнаруживающихся в любом языке и зафиксированных в нем с помощью слов. Нет оснований рассматривать эти ценностные зоны как иерархически организованные, потому что реализация индивидуальности человека может осуществляться в любой из них. Технически эта процедура осуществляласькак группировка слов, обозначающих человеческие потребности, и проводилась в несколько этапов:

- 1. Сначала был составлен список всех потребностей, которые имеют ценностные обозначения в русском языке. С этой целью из Толкового словаря С.И. Ожегова [26] были отобраны все словасуществительные, выражающие потребности и ценности.
- 2. После этого с помощью специального словаря был проведен частотно-синонимический анализ этого массива с целью исключения одинаковых по содержанию слов из синонимического ряда, состоящего иногда из нескольких десятков слов, с помощью частотного словаря [33] выбиралось то, которое чаще всего употребляется в устной и письменной речи.

- 3. Затем отобранные слова были разбиты на 12 групп, исходя из длины слова: состоящие из 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 букв. В Толковом словаре С.И. Ожегова встречались и более длинные слова, обозначающие потребности или ценности (15- и 16-буквенные), но их оказалось недостаточно для группировки, осуществляемой на следующем этапе 7-ю экспертами, в роли которых выступили опытные психологи и педагоги.
- 4. Задача, которая ставилась перед ними, состояла в том, чтобы сгруппировать в классы слова разной длины: отдельно 3-буквенные, отдельно 4-буквенные и т.д. При этом ничего не говорилось ни о количестве выделяемых классов, ни о критериях, на основе которых следует осуществлять группировку эксперты делали это спонтанно.

Этот этап исследования принес в принципе ожидаемые, но, тем не менее, в какой-то степени шокирующие результаты: все без исключения эксперты распределили представленные для группировки слова различной длины в одинаковое число групп (8), причем содержательно эти группы у разных экспертов оказались практически идентичными. Создавалось впечатление, что экспертам был заранее известен принцип классификации, хотя инструкция не содержала никаких намеков на то, каким образом осуществлять группировку; эксперты проводили ее исключительно спонтанно [8; 9].

Но, если проанализировать результаты работы экспертов с позиции теории ценностно-потребностной сферы личности, то полученные данные легко интерпретируются. Восемь групп — это восемь родовых архетипических форм, которые изначально закреплены в коллективном бессознательном каждого человека, но наполнены уникальным потребностным содержанием. Из этого факта логически выводится очень важное следствие: слова как элементы языка и речи отражают структуру человеческих потребностей и являются производными от них, но никак не наоборот. По-видимому, постановка вопроса о том, что было вначале — «слово» или «дело» — некорректна, потому что вначале было не «слово» и не «дело», а «желание».

Это положение подтверждает один важный постулат, выдвинутый еще в конце XIX века в работах Вундта, Лазаруса, Штейнталя, Дюркгейма, Тарда, Лебона [2; 6; 32], и развитый

современными социальными психологами X. Ортега-и-Гассетом и C. Московичи [23; 27]. Эти исследователи считали, что «общественное сознание» (в смысле – бессознательное «общественное сознание») возникло раньше индивидуального и что сознание отдельного человека выделилось из коллективного по эволюционным меркам недавно. Повидимому, восемь полученных на основе экспертных оценок ценностных групп представляют собой восемь глобальных архетипических форм, структурирующих индивидуальное содержание коллективного бессознательного любого человека. Вот почему эксперты неосознанно и спонтанно классифицировали ценности на основе именно этого критерия.

Итак, каждый из восьми эмпирически выделенных классов ценностей представляет самостоятельную зону ценностнопотребностной сферы личности любого человека и определяет одну из восьми возможных мотивационных тенденций. Конкретное содержание этих ценностных зон индивидуально, так как они могут наполняться разными потребностями.

Какие это зоны? Экспертиза проводилась в отношении ценностей, зафиксированных в русском языке; тем не менее, поскольку слова любого языка отражают структуру человеческих потребностей и являются производными от них, эти ценностно-потребностные зоны должны носить универсальный для всех людей характер.

- 1. Гедонистическая (гедонизма-аскетизма) зона, в которую оказались включенными потребности, реализующие принцип удовольствия.
- 2. Зона безопасности, которая представлена потребностями, отражающими субъективную необходимость защиты от различных неблагоприятных воздействий.
- 3. Эго-зона, наполняемая потребностями, определяющими индивидуальные стремления и амбиции личности.
- 4. Экзистенциальная (общественно-политическая) зона, включающая в себя потребности, детерминирующие общественное и политическое поведение и отражающие отношение личности к власти и государству.

- 5. Аффилиативная зона, аккумулирующая потребности в межличностных взаимодействиях.
- 6. Когнитивная (интеллектуальная) зона, наполненная интеллектуальными и познавательными потребностями.
- 7. Ритуальная (подчинения-автономности) зона, в которой сосредоточены потребности, связанные с традициями и отправлением различных ритуалов, регламентирующих официальное поведение человека.
- 8. Трансцендентальная (духовная) зона, содержанием которой являются духовные потребности человека и потребности роста.

ценностно-потребностной сферы личности Эти 30НЫ общественных структуру ценностей (потому представляют выражены средствами языка как общественного продукта) одновременно, родовых архетипов (потому что все восемь классов ценностей выделены экспертами спонтанно). Полное совпадение потребностного содержания общественных и родовых ценностей идеальный вариант, к которому должно стремиться любое общество. Но в реальной жизни всегда есть определенное рассогласование между общественными потребностями, которые государство транслирует гражданам в виде юридических и морально-этических нормативов, облеченных в форму государственных и нравственных законов, через социальные институты власти и СМИ, и содержанием родовых архетипов, генетически передаваемым из поколения в поколение в пределах конкретного этноса [8; 9; 19; 20].

Понятно, что в полиэтническом государстве привести систему общественных потребностей в приемлемое соответствие с содержанием родовых архетипических форм гораздо труднее, если вообще возможно.

Но в психологическом исследовании важно другое — найти объективный способ фиксации структуры общественных и родовых ценностей для того, чтобы получить возможность сопоставить их друг с другом и выявить специфические особенности сочетания этих структур.

Индивидуальное соответствие потребностей отдельной личности формальной подструктуре общественных ценностей отражает характер ее идентификации с содержанием общественной подструктуры ценностно-потребностной сферы личности; аналогичное соответствие

этого содержания родовой ценностной подструктуре будет определять уровень осознания личностью своей родовой идентичности.

Тахистоскопическая диагностика общественной и родовой подструктур ценностно-потребностной сферы личности антропо-психологических видов, склонных к коррупции

Общественная подструктура ценностно-потребностной сферы личности может быть диагностирована с помощью симультанной ценностей тахистоскопической техники предъявления «Тахистоскоп»). В этом варианте тахистоскопического метода все восемь ценностей предъявляются одновременно, поэтому субъект в этой ситуации, скорее всего, опознает самое социально значимое слово, то есть самую актуальную для него общественную ценность. В этом тесте отдельные ценности не оказывают никакого влияния друг на друга. потому что вероятность появления каждой из них в определенной точке визуального поля абсолютно одинакова. В результате 64 экспозиций выявляется статистически самый сильный ценностный аттитюд, то есть та группа потребностей, формой для которых служит наиболее часто актуализируемая ценность.

Ценность – коллективная форма, наполненная индивидуальными потребностями личности, форма, одинаковая у всех людей, но содержательно уникальная у каждого человека.

В сукцессивной тахистоскопической процедуре, реализуемой в «Калейдоскоп» слова-ценности предъявляются методике последовательно, и в силу этого каждая ценность оказывает влияние на опознание других. Так как в тахистоскопическом эксперименте нет восприятия из-за слишком короткого времени экспозиции, можно что должны работать иные, более глубинные предположить. рецептивные механизмы. Вероятно, эти ценности-формы уже имеются в бессознательном человека, и субъект с большей вероятностью опознает те из них, содержанием которых являются потребности, оказывающие наибольшее влияние на остальные ценностные зоны. В коллективном бессознательном в качестве таких ценностных форм выступают родовые архетипы. В сукцессивном эксперименте чаще других будет опознаваться наиболее «влиятельный» из них. Таким опосредованным способом с помощью сукцессивной тахистоскопической техники можно выявить родовую архетипическую подструктуру ценностнопотребностной сферы личности.

Доказательством этой гипотезы может служить феномен, тахистоскопических проявившийся отчетливо В сукцессивных экспериментах. В когнитивной психологии он носит название эффекта края или закона выпадения середины и свидетельствует, что первые и последние элементы сенсорного ряда лучше запоминаются. Но главное в том, что объясняется этот феномен с помощью двух механизмов – прои ретроактивного торможения. Иными словами, лучше запоминаются те элементы, которые находятся в начале сенсорного ряда и повторяются большее число раз (согласно парадигме Брауна-Петерсона эта информация имеет больше шансов перейти из сенсорной кратковременную память), а также последние объекты ряда, в меньшей степени подвергающиеся интерференции со стороны других элементов. объяснение удовлетворительно обычного Это ДЛЯ процесса сознательного восприятия и запоминания, но оно ничего не объясняет в случае кратковременного тахистоскопического предъявления. Тем не менее, эффект края в сукцессивных тахистоскопических экспериментах отчетливо проявляется. Следовательно, помимо обычных мнестических процессов, протекающих на уровне сознания, существуют глубинные бессознательные механизмы и материалом этих процессов служат не внешние раздражители, а содержимое глубинных архетипических структур.

Симультанная и сукцессивная тахистоскопические процедуры реализованы в форме интраиндивидуального многоуровневого эксперимента, в котором в качестве независимой переменной выступает структура ценностно-потребностной сферы личности. Восемь ценностных зон рассматриваются как качественные уровни независимой переменной, а зависимая оценивается как суммарное число опознаний каждой из восьми личностно значимых ценностей.

Основная проблема интраиндивидуального эксперимента — минимизация эффекта последовательности — решена путем позиционного уравнивания уровней независимой переменной по методу сбалансированного латинского квадрата, потому что полное уравнивание привело бы к нереальному количеству экспериментальных

проб [19; 20].

Таким образом, человек не только уникальная индивидуальность, но и носитель потребностей, доставшихся ему от его предков, которые также наполняют универсальные ценностные формы. Другими словами, потребности человека индивидуальны, но, в то же время, специфичны. И эта специфика детерминирована принадлежностью индивида к одному из 4-х человеческих видов: человеческий род Homo Sapiens представлен двумя хищными (суперанималы и суггесторы) и двумя нехищными (диффузный суггеренды и современные неоантропы) видами.

Поэтому для того, чтобы иметь полное представление о ценностно-потребностной сфере личности, необходимо исследовать не только индивидуальное содержание ее ценностных зон, но и выделить видовые специфические особенности ценностно-потребностного профиля. У каждого вида свой профиль, который и определяет видовую антропо-психологическую идентификацию и видовую антропо-психологическую идентичность человека. Первая отражается в профиле общественной подструктуры ЦПСЛ, вторая – родовой [9].

Можно предположить, что различия между хищными и нехищными субъектами должны обнаружиться, прежде всего, в родовой подструктуре ЦПСЛ; общественная подструктура, потребностное содержание которой формируется под влиянием сходных социальных воздействий, будет иметь только количественные отличия.

Потомки хищной части человечества (суперанималы и суггесторы) врожденно склонны к агрессии и насилию, и это обязательно должно отразиться в их родовом профиле ЦПСЛ. Потомки адельфофагов тяготеют к физическому насилию, суггесторы — к психологическому.

У нехищных субъектов родовой профиль иного типа: в нем будут преобладать нехищные ценности. Социальное влияние, пропагандирующее хищное поведение и агрессию, и у нехищного диффузного индивида, чрезвычайно податливого на интердикцию и внушение, способно сформировать агрессивные аттитюды, которые обязательно отразятся, но только в общественном профиле ЦПСЛ. Другими словами, у нехищного индивида может быть сформирована

хищная идентификация, но у него в принципе не может быть хищной идентичности. Хищное поведение в этом случае может быть квалифицировано как социальная болезнь.

Если и общественный, и родовой профили ЦПСЛ представлены хищными ценностями, имеет место хищный реализованный тип поведения, не подлежащий коррекции. Хищные ценности, зафиксированные только в родовом профиле ЦПСЛ, свидетельствуют о потенциальной хищности, сдерживаемой и пока не проявляющейся в реальном поведении.

Если хищные ценности фиксируются только в общественном профиле ЦПСЛ, диагностируется хищное поведение, обусловленное аттитюдами, сформировавшимися под влиянием хищных социальных воздействий; эта социальная болезнь лечится методами психологической экспансии.

Если же в общественном и родовом профилях ЦПСЛ доминируют нехищные ценности, субъект не склонен к агрессии и насилию, и устойчив к агрессивным социальным влияниям. Такие профили ЦПСЛ характерны для самого молодого человеческого вида – современных неоантропов.

«Гедонизм»; «безопасность»; «эго»; «экзистенциальная»; «ритуальная»; «трансцендентальная» — эти зоны ценностнопотребностной сферы личности являются значимыми для психодиагностики хищных и нехищных видов.

- 1. Диагностика хищного вида суперанималов должна опираться на анализ зон «безопасности»; «эго»; «экзистенциальной»; «ритуальной».
- 2. Хищный суггесторный вид может быть определен по значениям зон «гедонизм»; «эго»; «экзистенциальная»; «ритуальная».
- 3. Для нехищного диффузного вида диагностически значимыми являются зоны «безопасности»; «эго»; «экзистенциальная»; «аффилиативная» и «ритуальная».
- 4. Психологическая диагностика неоантропов будет концентрироваться на анализе «гедонистической»; «экзистенциальной»; «когнитивной»; «ритуальной»; «трансцендентальной» ценностнопотребностных зон.

Поскольку возможность формирования высших психических функций у человека обусловлена наличием у него новейших специфически человеческих структур, локализованных в лобных долях коры головного мозга, состояние ВПФ можно связать с принадлежностью к определенному человеческому виду. Следовательно, нейропсихологическая диагностика ВПФ также может использоваться для определения видовой принадлежности индивида. У хищных субъектов должны отсутствовать ВПФ, связанные с нравственной оценкой реальных действий.

Этнос не может быть отождествлен с хищным или нехищным человеческим видом, поскольку формирование этносов происходило уже после оформления хищных и нехищных человеческих видов в ходе дивергенции палеоантропов и ископаемых неоантропов. Поэтому в каждой этнической группе есть как хищные, так и нехищные индивиды, разной является только их пропорция.

Этнос — это естественная общественная структура, формирующаяся из индивидов, занимающихся сходной деятельностью и проживающих на ограниченной территории в течение длительного времени в условиях внутриплеменных браков при отсутствии какой-либо миграции извне. Этнос определяется двумя группами характеристик — антропотипом и психотипом.

Антропотип — совокупность сформировавшихся в процессе становления и закрепившихся на генетическом уровне внешних физических и физиологических признаков, по которым можно безошибочно определить представителя этноса. Психотип — система архетипов родового бессознательного этноса, передаваемая от предков потомкам.

Никогда не следует путать национальное и этническое в человеке, поскольку, в отличие от этноса, нация — искусственное общественное образование, создаваемое властью и включающее, по крайней мере, несколько этносов. На территории России проживает более 200 этнических групп, а нация одна — россияне. Исторически нации создавались в результате захватнических войн, поэтому нацию нельзя считать добровольным объединением этносов.

Психологическая диагностика предрасположенности к коррупции

тесно связана с принадлежностью индивида к одному из четырех человеческих видов. Особенности родовой мотивации хищных видов предполагать основания У НИХ врожденную предрасположенность к коррупции. В высшей степени такой диатез характерен для хищного вида суггесторов, врожденно склонных к эгоизму, цинизму и психологическому насилию по отношению к представителям нехищных видов. Хищная родовая мотивация потомков адельфофагов-каннибалов реализуется в агрессии и физическом насилии, поэтому в их социальном поведении проявится склонность к насильственным преступлениям. Коррупционное поведение нехищных индивидов может быть только результатом социального научения под воздействием СМИ и других институтов общественного влияния. Это приобретенные формы социального поведения, а потому могут быть скорректированы методами «антикоррупционной психотерапии».

Определить побудительные причины коррупционного поведения помощью экспериментально-психологических методов, МОЖНО принципе тахистоскопического базирующихся на предъявления «коррупционно значимых» («коррупционно опасных» и «коррупционно безопасных») ценностей, составляющих содержание потребностной сферы личности. Такая диагностика даст возможность количественной оценки прогноза, будет ли, например, кандидат в депутаты злоупотреблять своим статусом или претендент чиновничью должность брать взятки, когда им станет, а будущий полицейский защищать права граждан или, наоборот, унижать и обирать их; станет ли журналист давать искаженную оценку общественным событиям в угоду личным или чьим-то корпоративным интересам, абизнесмен – удовлетворять свои хищные потребности в обогащении за счет жестокой эксплуатации или разграбления общенародных природных богатств. Решение этих вопросов, безусловно, снизит социальную напряженность стране. Это направление экспериментально-психологических исследований можно обозначить термином «коррупционная психодиагностика» [12].

Истинные причины коррупционного поведения можно диагностировать только в случае отключения сознательного второсинального контроля, что достигается путем использования техник

тахистоскопического симультанного и сукцессивного предъявления значимых «коррупционно опасных» «коррупционно личностно И безопасных» ценностей. В противном случае определение «мотивов коррупционного поведения» будет сведено к речевому оправданию (самоатрибуции) человеком своих поступков. Компьютерная система экспериментально-психологических «коррупционной методов психодиагностики» предназначена для количественной оценки истинных различных сферах человеческой государственного значения. «Антикоррупционная психопрофилактика» должна опираться на результаты «коррупционной психодиагностики», она включает в себя систему специальных мероприятий и практических приемов возможной психокоррекции коррупционных форм поведения. «Антикоррупционная психопрофилактика» - естественное продолжение «коррупционной психодиагностики», ее главная цель - не допустить в коррупционноопасные сферы деятельности склонный к коррупции контингент, а также удалить из этих сфер должностных лиц, страдающих такой склонностью.

Это принципиально новый психологический подход к решению проблемы противодействия коррупции и борьбы с коррупционной государственного, общественного системе преступностью политического управления, основанный на возможности выявления истинных неосознаваемых причин социального поведения человека. «коррупционной Если психодиагностики» система мер психопрофилактики» «антикоррупционной будет реализована масштабах страны, это позволит в течение ближайших лет искоренить это, столь позорное для России, явление.

Литература:

- 1. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета. № 102. 2009. С. 323-328.
 - 2. Вундт В. Психология народов. Спб., 1992. 356 с.
- 3. Диденко Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. М., 1997.

- 4. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Российское общество. 2012. № 2. С. 56-65.
- 5. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Вестник Российской Академии Наук. Т.85. № 11. М.: Наука, 2015. С. 1019-1027.
 - 6. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 316 с.
- 7. Лесгафт П.Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. М.: Педагогика, 2017. C.15-102.
- 8. Морогин В.Г. Антро-попсихологические основания ценностнопотребностной диагностики предрасположенности к коррупции. Часть І. Антропо-психологические детерминанты коррупционного поведения // Образование в этнополикультурной среде: состояние, проблемы, перспективы. Материалы VI Международного молодежного научнокультурного форума (21–23 марта 2016 г.) / Под науч. ред. Л.В. Ахметовой. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2016. С. 333-341.
- 9. Морогин В.Г. Антропо-психологические основания ценностно-потребностной диагностики предрасположенности к коррупции. Часть II. Ценностно-потребностная диагностика человеческих видов, предрасположенных к коррупции // Образование в этнополикультурной среде: состояние, проблемы, перспективы. Материалы VI Международного молодежного научно-культурного форума (21–23 марта 2016 г.) / Под науч. ред. Л.В. Ахметовой. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2016. С. 341-347.
- 10. Морогин В.Г. Концепция антропо-психологической неоднородности Образование современного человека \parallel этнополикультурной среде: состояние, перспективы. проблемы. Материалы VII Международного молодёжного научно-культурного форума (23-24 марта 2017 г.) / Под науч. ред. Л.В. Ахметовой. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2017. C. 20-31.
- 11. Морогин В.Г. Палеопсихологическая модель коррупции / Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: матер. Всеросс. научн.-практ. конф., Томск 15-16 апреля 2015 г. / Под общ. ред. к.п.н., А.А. Вотинова. Выпуск 3; Томский ИПКР ФСИН России.

Томск: Изд-во «Графика», 2015. С. 215-224.

- 12. Морогин В.Г. Палеопсихологические основания видовой неоднородности современного человека // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 частях. Часть 1 / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. С. 200-210.
- 13. Морогин В.Г., Мазилов В.А. Исследования коррупции: ценностно-потребностный подход // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы седьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / Под науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. С. 181-227.
- 14. Морогин В.Г., Мазилов В.А. Коррупция в современной России: от психодиагностики к профилактике // Социальный психолог. Вып. 2 (26). Ярославль. 2013. С. 60-74.
- 15. Морогин В.Г., Мазилов В.А. Коррупция как юридический и психологический феномен // Психология XXI столетия / Сб. по материалам ежегодного международного Конгресса «Психология XXI столетия» (Ярославль, 15-17 мая 2015 года) / Под ред. В.В. Козлова. Ярославль: ЯрГУ; МАПН, 2015. С. 233-241.
- 16. Морогин В.Г., Мазилов В.А. Коррупция: психодиагностика и профилактика // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы шестой всероссийской интернетконференции (с международным участием) / Под науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. С 109-119.
- 17. Морогин В.Г., Мазилов В.А. Методологические перспективы палеопсихологической теории антропогенеза Б.Ф. Поршнева // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 223-234.
- 18. Морогин В.Г., Мазилов В.А. Социальная психология сегодня и палеоантропогенез: есть ли точки соприкосновения // Социальный психолог №2(32). Ярославль, 2016. С. 77-109.
- 19. Морогин В. Г., Мазилов В.А. Ценностно-потребностная тахистоскопическая диагностика коррупционного поведения (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. № 6. Ярославль, 2016. С. 254-268.

- 20. Морогин В.Г., Мазилов В.А. Ценностно-потребностная тахистоскопическая диагностика коррупционного поведения (Часть II) // Ярославский педагогический вестник. № 1. Ярославль, 2017. С. 193-204.
- 21. Морогин В.Г., Мазилов В.А., Ширяева А.А. Ценностно-потребностная концепция коррупции // Ярославский психологический вестник. Вып. 32. Москва-Ярославль: Титул, 2015. С. 39-57.
- 22. Морогин В.Г., Ширяева А.А., Мазилов В.А. Методологические основы исследования коррупции: ценностно-потребностный подход // Методология современной психологии. Вып. 5. / Сб. под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. М-Ярославль: ЯрГУ; ЛКИИСИ РАН; МАПН, 2015. С. 113-146.
- 23. Московичи С. Наука о массах // Психология масс. Хрестоматия / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998. С. 397-534.
- 24. О мерах по противодействию коррупции: Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 // Российская газета. № 108 от 22.05.2008, изменения внесены Указами Президента от 13.04.2010 № 460 и от 13.03.2012 № 297.
- 25. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 4823 от 30.12.2008.
- 26. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, Изд. 4-е, доп., 2006. 944 с.
- 27. Ортега-и-Гассет X. Восстание масс // Психология масс. Хрестоматия / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1998. С. 195-314.
- 28. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974.
- 29. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции // Центр гуманитарных технологий. URL: http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info (дата обращения: 30.09.2018).
- 30. Репецкая А. Л. Российская коррупционная преступность: характеристика и противодействие / Актуальные проблемы профилактики коррупции в России на современном этапе: сборник материалов методологического семинара / Отв. ред. Д.Д. Невирко. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. 184 с.

- 31. Решетников М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008. 128 с.
 - 32. Тард Г. Социальная логика. СПб.: СПЦ, 1996. 558 с.
- 33. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
- 34. Corruption Perceptions Index 2017 URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_20 17 (дата обращения: 30.09.2018).

References:

- 1. Vannovskaja O.V. Lichnostnye determinanty korrupcionnogo povedenija // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. # 102. 2009. Pp. 323-328.
 - 2. Vundt V. Psihologija narodov. Spb., 1992. 356 p.
- 3. Didenko B. Hishhnaja vlast'. Zoopsihologija sil'nyh mira sego. M., 1997.
- 4. Zhuravlev A.L., Jurevich A.V. Korrupcija v sovremennoj Rossii: psihologicheskij aspekt // Rossijskoe obshhestvo. 2012. № 2. Pp. 56-65.
- 5. Zhuravlev A.L., Jurevich A.V. Psihologicheskie faktory korrupcii // Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk. T.85. № 11. M.: Nauka, 2015. Pp. 1019-1027.
 - 6. Lebon G. Psihologija narodov i mass. SPb.: Maket, 1995. 316 p.
- 7. Lesgaft P.F. Semejnoe vospitanie rebenka i ego znachenie. M.: Pedagogika, 2017. Pp. 15—102.
- 8. Morogin V.G. Antro-popsihologicheskie osnovanija cennostno-potrebnostnoj diagnostiki predraspolozhennosti k korrupcii. Chast' I. Antropopsihologicheskie determinanty korrupcionnogo povedenija // Obrazovanie v jetnopolikul'turnoj srede: sostojanie, problemy, perspektivy. Materialy VI Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchno-kul'turnogo foruma (21–23 marta 2016 g.) / Pod nauch. red. L.V. Ahmetovoj. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2016. Pp. 333-341.
- 9. Morogin V.G. Antropo-psihologicheskie osnovanija cennostnopotrebnostnoj diagnostiki predraspolozhennosti k korrupcii. Chast' II. Cennostno-potrebnostnaja diagnostika chelovecheskih vidov.

predraspolozhennyh k korrupcii // Obrazovanie v jetnopolikul'turnoj srede: sostojanie, problemy, perspektivy. Materialy VI Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchno-kul'turnogo foruma (21–23 marta 2016 g.) / Pod nauch. red. L.V. Ahmetovoj. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2016. Pp. 341-347.

- 10. Morogin V.G. Koncepcija antropo-psihologicheskoj neodnorodnosti sovremennogo cheloveka // Obrazovanie v jetnopolikul'turnoj srede: sostojanie, problemy, perspektivy. Materialy VII Mezhdunarodnogo molodjozhnogo nauchno-kul'turnogo foruma (23–24 marta 2017 g.) / Pod nauch. red. L.V. Ahmetovoj. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2017. Pp. 20-31.
- 11. Morogin V.G. Paleopsihologicheskaja model' korrupcii / Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pedagogika, psihologija i pravo: mater. Vseross. nauchn.-prakt. konf., Tomsk 15-16 aprelja 2015 g./ Pod obshh. red. k.p.n., A.A. Votinova. Vypusk 3; Tomskij IPKR FSIN Rossii. Tomsk: Izd-vo «Grafika», 2015. Pp. 215-224.
- 12. Morogin V.G. Paleopsihologicheskie osnovanija vidovoj neodnorodnosti sovremennogo cheloveka // Gumanitarnye osnovanija social'nogo progressa: Rossija i sovremennost': sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 8 chastjah. Chast' 1 / Pod red. V.S. Belgorodskogo, O.V. Kashheeva, V.V. Zotova, I.V. Antonenko. M.: FGBOU VO «MGUDT», 2016. Pp. 200-210.
- 13. Morogin V.G., Mazilov V.A. Issledovanija korrupcii: cennostno-potrebnostnyj podhod // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v uslovijah modernizacii: materialy sed'moj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) / Pod nauch. red. M. V. Novikova. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2015. Pp. 181-227.
- 14. Morogin V.G., Mazilov V.A. Korrupcija v sovremennoj Rossii: ot psihodiagnostiki k profilaktike // Social'nyj psiholog. Vyp. 2 (26). Jaroslavl'. 2013. Pp. 60-74.
- 15. Morogin V.G., Mazilov V.A. Korrupcija kak juridicheskij i psihologicheskij fenomen // Psihologija XXI stoletija / Sb. po materialam ezhegodnogo mezhdunarodnogo Kongressa «Psihologija XXI stoletija» (Jaroslavl', 15-17 maja 2015 goda) / Pod red. V.V. Kozlova. Jaroslavl': JarGU; MAPN, 2015. Pp. 233-241.

- 16. Morogin V.G., Mazilov V.A. Korrupcija: psihodiagnostika i profilaktika // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v uslovijah modernizacii: materialy shestoj vserossijskoj internet-konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) / Pod nauch. red. M. V. Novikova. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2014. Pp 109-119.
- 17. Morogin V.G., Mazilov V.A. Metodologicheskie perspektivy paleopsihologicheskoj teorii antropogeneza B.F. Porshneva // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 5. Pp. 223-234.
- 18. Morogin V.G., Mazilov V.A. Social'naja psihologija segodnja i paleoantropogenez: est' li tochki soprikosnovenija // Social'nyj psiholog #2(32). Jaroslavl', 2016. Pp. 77-109.
- 19. Morogin V. G., Mazilov V.A. Cennostno-potrebnostnaja tahistoskopicheskaja diagnostika korrupcionnogo povedenija (Chast' I) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. № 6. Jaroslavl', 2016. Pp. 254-268.
- 20. Morogin V.G., Mazilov V.A. Cennostno-potrebnostnaja tahistoskopicheskaja diagnostika korrupcionnogo povedenija (Chast' II) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. № 1. Jaroslavl', 2017. Pp. 193-204.
- 21. Morogin V.G., Mazilov V.A., Shirjaeva A.A. Cennostno-potrebnostnaja koncepcija korrupcii // Jaroslavskij psihologicheskij vestnik. Vyp. 32. Moskva-Jaroslavl': Titul, 2015. Pp. 39-57.
- 22. Morogin V.G., Shirjaeva A.A., Mazilov V.A. Metodologicheskie osnovy issledovanija korrupcii: cennostno-potrebnostnyj podhod // Metodologija sovremennoj psihologii. Vyp. 5. / Sb. pod red. V.V. Kozlova, A.V. Karpova, V.A. Mazilova, V.F. Petrenko. M-Jaroslavl': JarGU; LKIISI RAN; MAPN, 2015. Pp. 113-146.
- 23. Moskovichi S. Nauka o massah // Psihologija mass. Hrestomatija / Red. D.Ja. Rajgorodskij. Samara: Bahrah, 1998. Pp. 397-534.
- 24. O merah po protivodejstviju korrupcii: Ukaz Prezidenta RF ot 19.05.2008 № 815 // Rossijskaja gazeta. № 108 ot 22.05.2008, izmenenija vneseny Ukazami Prezidenta ot 13.04.2010 № 460 i ot 13.03.2012 № 297.
- 25. O protivodejstvii korrupcii: Federal'nyj zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk № 4823 ot 30.12.2008.
- 26. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: ITI Tehnologii, Izd. 4-e, dop., 2006. 944 p.
 - 27. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass // Psihologija mass.

- Hrestomatija / Red. D.Ja. Rajgorodskij. Samara: Bahrah, 1998. Pp. 195-314.
- 28. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii. M.: Mysl', 1974.
- 29. Rejting stran mira po urovnju vosprijatija korrupcii // Centr gumanitarnyh tehnologij. URL: http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info (data obrashhenija: 30.09.2018).
- 30. Repeckaja A. L. Rossijskaja korrupcionnaja prestupnosť: harakteristika i protivodejstvie / Aktual'nye problemy profilaktiki korrupcii v Rossii na sovremennom jetape: sbornik materialov metodologicheskogo seminara / Otv. red. D.D. Nevirko. Krasnojarsk: SibJul MVD Rossii, 2010. 184 p.
- 31. Reshetnikov M. Psihologija korrupcii: utopija i antiutopija. SPb.: Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza, 2008. 128 p.
 - 32. Tard G. Social'naja logika. SPb.: SPC, 1996. 558 p.
- 33. Chastotnyj slovar' russkogo jazyka / Pod red. L.N. Zasorinoj. M.: Russkij jazyk, 1977. 936 p.
- 34. Corruption Perceptions Index 2017 URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_20 17 (data obrashhenija: 30.09.2018).

Сведения об авторе

Владимир Григорьевич **Морогин**, профессор кафедры психологии и социальной работы Медико-психолого-социального института Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, доктор психологических наук, профессор, академик МАПН (Абакан, Россия)